

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.17>

Шестакова Елена Юрьевна

ДУХОВНАЯ КРАСОТА ДЕТСКИХ ОБРАЗОВ В РАССКАЗАХ И. С. ШМЕЛЕВА 1906-1915 ГГ.

Статья посвящена осмыслению темы духовной красоты детских образов в рассказах "Вахмистр", "По спешному делу" и "Пугливая тишина", созданных выдающимся писателем русского зарубежья Иваном Сергеевичем Шмелевым в 1906-1915 гг. В работе особое внимание уделено вопросам авторского постижения природы детства, внутреннего мира ребенка, отображения его духовной цельности и гармоничности. Проблема взросления осмысливается как процесс утраты этих свойств и необходимости их возвращения. Прослеживаемая в рассказах тема искусства неразрывно связана с темой детства. Малоизученность темы, избранной для рассмотрения, и выводы автора могут представлять особый интерес для круга специалистов, занимающихся проблемами русской литературы XX века.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/7-1/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 7(85). Ч. 1. С. 77-81. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

что объединяет статьи представителей русского религиозно-философского ренессанса. Суть этого метода заключается в разных исходных положениях, но главнейшим является *отождествление автора и нарратора в художественном произведении*. Своего логического завершения указанное отождествление достигло в радикальном биографизме Гершензона. Автор статьи убежден, что именно с помощью вскрытия и обоснования сути метода можно приблизиться к максимально точной терминологии.

Список источников

1. Володина Н. В. О типологии литературной критики XIX века // Освобождение от догм. История русской литературы: состояние и пути изучения: в 2-х т. М.: Наследие, 1997. Т. 1. С. 269-277.
2. Депретто К. Литературная критика и история литературы в России конца XIX – начала XX века // История русской литературы. XX век. Серебряный век / под ред. Ж. Нива, И. Серман и др. М.: Прогресс; Литера, 1995. С. 242-258.
3. Исупов К. Г. Философия и литература «серебряного века» (сближения и перекрестки) // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). М., 2000. С. 69-130.
4. Крупчанов Л. М. История русской литературной критики XIX века. М.: Высшая школа, 2005. 383 с.
5. Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918-1940: в 4-х т. М.: РОССПЭН, 2000-2002.
6. Манн Ю. В. Русская философская эстетика. 1820-1830-е годы. М.: Искусство, 1969. 304 с.
7. Освобождение от догм. История русской литературы: состояние и пути изучения: в 2-х т. М.: Наследие, 1997. Т. 1. 310 с.
8. Святополк-Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск: Свинья и сыновья, 2005. 876 с.
9. Соловьев В. С. Поэзия Я. П. Полонского. Критический очерк // Соловьев В. С. Литературная критика. М.: Современник, 1990. С. 120-202.

**THE PROBLEM OF THE TERM “RUSSIAN PHILOSOPHICAL CRITICISM”
IN RELATION TO THE END OF THE XIX – THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY**

Khrustaleva Anna Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Saratov State University
tevlina1982@mail.ru

The article examines the term “philosophical criticism”. The author points to the problems of periodization in consideration of critical articles written by philosophers of Russian religious-philosophical renaissance. It is shown that the terms “symbolist criticism” and “philosophical criticism” are in contradiction based on different understanding of the history of literature – calendar and constitutive-typological. It is emphasized that the criticism of Plekhanov and his epigones has every reason to claim the presence of a serious philosophical component, the term itself is therefore incorrect. The paper points to the most important feature of the method of literary text research, typical of Russian religious philosophers.

Key words and phrases: V. S. Solovyev; S. N. Bulgakov; K. N. Leontyev; N. A. Berdyaev; I. A. Ilyin; S. L. Frank; G. P. Fedotov; M. O. Gershenzon; Russian philosophical criticism.

УДК 82(091)

Дата поступления рукописи: 27.03.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.17>

Статья посвящена осмыслению темы духовной красоты детских образов в рассказах «Вахмистр», «По спешному делу» и «Пугливая тишина», созданных выдающимся писателем русского зарубежья Иваном Сергеевичем Шмелевым в 1906-1915 гг. В работе особое внимание уделено вопросам авторского постижения природы детства, внутреннего мира ребенка, отображения его духовной цельности и гармоничности. Проблема взросления осмысливается как процесс утраты этих свойств и необходимости их возвращения. Прослеживаемая в рассказах тема искусства неразрывно связана с темой детства. Малоизученность темы, избранной для рассмотрения, и выводы автора могут представлять особый интерес для круга специалистов, занимающихся проблемами русской литературы XX века.

Ключевые слова и фразы: И. С. Шмелев; рассказы о детстве; детские образы; мотив; автобиографический персонаж; феномен личности писателя; метод потока сознания.

Шестакова Елена Юрьевна, к. филол. н.
Центральная библиотека имени Н. В. Гоголя, г. Северодвинск
shestakova.lena2013@yandex.ru

**ДУХОВНАЯ КРАСОТА ДЕТСКИХ ОБРАЗОВ
В РАССКАЗАХ И. С. ШМЕЛЕВА 1906-1915 ГГ.**

Жизненный и творческий путь писателя русского зарубежья Ивана Сергеевича Шмелева (1873-1950) отмечен пристальным интересом к духовной жизни человека, бытийным основам его существования. Особая духовная глубина свойственна детским образам, раскрытым писателем с необыкновенным талантом

и проникновенностью. Постигание внутреннего мира ребенка, отображение его духовной красоты становится для Шмелева излюбленным предметом художественного изображения.

В отечественную литературу Иван Сергеевич Шмелев вступает как автор рассказов о детстве, наполненных неподдельной, искренней любовью к маленьким героям. Он публикует свои произведения в журнале «Детское чтение», а также сотрудничает с «Русской мыслью». Так, в раннем рассказе «Вахмистр», увидевшем свет в 1906 году, взрослый повествователь любит «пестрой группой детишек», с наслаждением слушает, как они «звонят и щебечут под солнцем», с нежностью наблюдает их «быстрые ножки» и «веселые рожицы» [16, с. 227]. Дети, подобно птицам небесным, не ведают забот и тягот жизни: «— Малявки чистые... разыгрались по солнышку... Ничего-то им не нужно» [Там же, с. 242]. Сравнение детей с небесными птицами отсылает к Евангельской цитате: «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их» (Мф. 6:25). Дети живут как маленькие ангелы, непорочные в своей духовной чистоте. О связи чистоты и красоты души человеческой писал святитель Григорий Нисский: «...если душа очистится от всякого порока, то, без сомнения, будет пребывать в Прекрасном. Прекрасное же по своей природе — Божество, с Которым по чистоте душа вступает в общение, соединяемая со свойственным ей» [2, с. 124-125]. Духовная чистота детей, незнание ими зла и порока противопоставляется в произведении поврежденному естеству взрослых людей, их гордому разуму и лукавому сердцу.

Мир взрослых с царящими в нем войнами, враждой близких людей, жестокостью, непониманием и разладом предстает в рассказе старого вахмистра. Повествование о жизненном пути взрослого героя обрамлено рядом картин, изображающих детей, резвящихся в лучах сентябрьского солнца. Золотые листья, «без шума» падающие «на песок», свет, пронизывающий «целый цветник карапузов с локонами и без локонов» [16, с. 241], воссоздают в тексте образ рая. Образы золотого цвета, свежего воздуха, света, яркости, чистоты пронизывают всю художественную ткань рассказа, символически выражая духовную красоту детей, за которым наблюдает взрослый рассказчик.

Дети, несущие в себе свет Божественной красоты, напоминают взрослому повествователю и рассказчику о необходимости возвращения к любви, милосердию, прощению и примирению. Старый жандарм любит маленьким карапузом, с забавным кряхтением достающим свой мячик из-под скамьи, белокурой девочкой в красном, с обручем в руках, радуется их пока еще не утраченной непосредственности и простоте. Детская простота, естественность в проявлении мыслей и чувств, искренность осмысляются в рассказе как одно из самых драгоценных свойств души, описанных в Евангелии: «...если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18:2).

По мысли писателя, простота ребенка — настоящий дар Божий, благодатная духовная красота — изначально свойственна природе ребенка и практически полностью утрачена взрослым человеком, не осознающим ее ценности. Детское простодушие, естественность, искренность мыслей и чувств часто вызывают улыбку взрослого, кажутся ему смешными и нелепыми. Обратимся к рассказу «По спешному делу», написанному Шмелевым в 1907 году и состоящему из нескольких юмористических сенок, описывающих день семьи Дорошенковых. Трехлетний Вовочка ненавидит жареный лук, плавающий в супе, и на этом основании отказывается есть, заявляя о якобы плавающем в нем таракане, и, напротив, малыш всегда готов угоститься пирожными, которые подают на десерт. Мальчик — мастер устраивать настоящий хаос за столом, рассыпая соль и размазывая горчицу. Его старшая сестренка Леля всегда готова пожаловаться на многочисленные проделки брата, что вызывает словесную перепалку между детьми. Неправильность детской речи придает дополнительную юмористическую окраску описываемым сценам: «— Он, мамочка, угольки из печки вытащил... — Сама вытасила» [Там же, с. 248]. Однако именно простота, внешне кажущаяся смешной, помогает ребенку сохранить внутреннюю чистоту и свет, особую духовную силу, оказывающую спасительное воздействие на душу взрослого человека. Юмористическую тональность в рассказе резко сменяет трагическая, когда отображается внутреннее состояние вернувшегося домой отца детей, капитана Дорошенкова. Потрясенный видом приговоренных к расстрелу, он переживает множество отрицательных эмоций: отчаяние, страх, растерянность, тревогу. Сознание капитана постепенно погружается в ужас, мрак, черный кошмар: «Снова тяжелые думы начинали ползти, вырастать, громоздиться. Еще сегодня утром он был самим собою, не носил в сердце тяжести и пустоты. Ничто не стояло за его спиной. Не висело над головой тяжелой гирей. И вот теперь... тяжело» [Там же, с. 255]. И только вид спящих детей, тихий внутренний свет, исходящий от них, оказался в силах разогнать тьму, готовую поглотить душу Дорошенкова. Детство, бесконечно дорогое и чистое, возвращает взрослому человеку веру в добро и любовь. Дорошенков остро чувствует особую духовную красоту детей, ее «упорядоченность и гармонию» [1, с. 10-11], благодатную тишину. В восприятии отца пространство детской, где спокойно дышат юные грудки и царят тихие грезы детских снов, противопоставляется страшному, мрачному внешнему пространству. Там, за окном, всюду «играет метелица», в воздухе разлита «тьма беспокойной жизни», полная «призраков» [16, с. 15-16]. Здесь, в детской, согретой алым огоньком лампы, на Дорошенкова нисходит тихий покой, позволяющий услышать Бога, ощутить Его свет, умиряющий и утешающий.

Детскому мировосприятию, в отличие от взрослого, чуждо ощущение дисгармоничности, враждебности, суеверности окружающего мира. Ребенок видит внешний мир таким, каким его изначально создал Господь, — прекрасным в своей целостности и очаровании, полным покоя и тишины. В рассказе «Пугливая тишина» (1912) дети изображаются в неразрывном внутреннем единстве с окружающим миром природы, от них исходит «теплый, солнечный свет», их глаза — «чистые, как лесные ручьи», отражают «синеву неба», а «в голосах их было легкое, как у птиц, и пахло от них солнцем и ветерком, как пахнут птицы» [14, с. 233].

В рассказе большую роль играет семантика розового цвета. Он символизирует чистоту, детскость, счастье, нежность и духовную красоту. Детские розовые пальчики девочек, пахнущие душистым мылом, такие же нежные, беззащитные и трогательные, как и розовые туши свиней, живущих в сарае. Дети живут в мире, напоминающем райский сад, «светлом, розовом», полном «вязкого гвоздичного запаха», «луговой свежести», «кровяного града разомлевшего вишняка» [Там же, с. 223]. Тишина царит в розовом райском мире детства, солнечный тихий день сменяет ночь, таким же «тихим ходом идущая в небе и на земле» [Там же, с. 224]. Эта «светлая Божья жизнь», соединенная «узами любви» [13], радуется встрече с любимой мамой, обожаемой фрейлиной, недавно приехавшим дядей Павликом, обещавшим привести матрешку: «Издали родился и стал наплывать перезвон бубенцов, мягкий, как встряхиваемое в коже серебро. Лили послушала и показала пальчиком: – Динь... – Дядя Павлик! Дядя Павлик! – запрыгала Мара. – Матр-решку везет! – Что? Что?! – А матр-решку... Такая больш-а-я... Как куха-р-рка... Такая кукла, матррешка... Дядя Павлик горррвила... У него такие ноги... Такие ноги... Динь-динь! Такие гвозди... И все... Топ-топ!.. Такие... Лили сделала губки трубочкой и топнула. – Так... Топ! У-у-у!.. И скосила глаза. – Ах, как страшно!.. Я тебя со-всем боюсь... – сказала фрейлен и повела поить молоком» [14, с. 220]. Безмятежное детство оставляет без внимания встревоженность матери, озабоченность молодого дяди, задумчивость фрейлины. Дети не подозревают, как хрупко и беззащитно благополучие их мира, как легко он теряет благодатную тишину и покой.

Для взрослых, давно утративших детскую гармоничность и чистоту, окружающий мир становится лишь источником личной выгоды и обогащения. Молодой корнет остается совершенно равнодушен к красоте сада, по которому гуляет, не замечает вишняка, «млеющего на солнце», того, как «вспыхивало в нем загорающимся рубином, трепетным и сквозным» [Там же, с. 225], не ощущает аромата малины и яблок. Единственным желанием, пробуждающимся в его душе, становится жажда убийства (стрельба по дроздам). На взгляд дяди Павлика, сад стал слишком старым, чтобы плодоносить и приносить доход, а продажа туш розовых свиней покроеет денежный долг, поможет расплатиться по векселю. Убийство беззащитных животных, их ужасные вопли, наполнившие ночной сад, разрушают гармонию мира: «...кабан выкинулся, разбрасывая привалившиеся к нему туши, и издал трубный, тревожный рев. Ему ответили. И понесся этот звенящий рев от конского двора в тихую росистую ночь, под высокое небо, теперь сплошь залитое играющими звездами... Визг тысячи железных дудок, сверлящий рев из нутра, захлебывающийся в страхе крик сразу наполнил весь тихий сад, перекинулся на луга и пошел» [Там же, с. 230]. В благодатном Божьем мире проливается невинная кровь, совершает кровавая жертва. Едкий запах невинной крови заглушает аромат цветущих растений, кровь течет струями и щедро пропитывает землю. Причем крови так много, что земля уже не в силах больше ее принять, течет «струйками от одного большого пятна с алым отблеском, к другому» [Там же, с. 232]. Перед нами – вечная ситуация, повторяющаяся со времен первого убийства Каина. Молодой корнет, с азартом и жадным восторгом рассекающий чрево свиньи с детенышами, словно убивает детство – воплощение всего нежного, беззащитного, трогательного, доброго и чистого: «Заглянул в раскрытый сарай: и пол и помост – все было залито (кровью. – *Е. Ш.*). Валялись какие-то куски и лоскутья. Вышел и остановился – у края бревенчатого подъезда к сараю лежала пестрая, перевитая красным, мясная гроздь вырванных из утробы детенышей» [Там же, с. 233]. Молодой циник уничтожает саму радость жизни, ее полноту и невинность. Вид страдания другого живого существа распяляет Павла, пробуждает в нем самые низменные инстинкты, сильнейшую жажду причинить боль и убивать: «У него (корнета. – *Е. Ш.*) до боли сводило в пальцах и дрожало внутри, когда сжал он еще теплую рукоятку ножа. Стиснул зубы и ждал, когда наконец подтащат брюхатую свинью... “Да ну же! скорей!” – хотел крикнуть корнет. Он переступал с ноги на ногу. Сорвал и швырнул манжеты и отсучил правый обшлаг, обнажив тонкую белую руку...» [Там же, с. 234]. Перед нами предстает взрослый человек в состоянии духовного безобразия (в противопоставлении духовной красоте детей), обуреваемый омерзительными страстями и грехами. Образ молодого корнета символичен, в нем воплощается авторское представление о трагическом пути каждого человека, в начале своей жизни ощущающего духовное единство с Богом и созданным им миром, наполненным красотой и любовью, но по мере взросления утрачивающего эти связи. И тогда душу, обуреваемую страстями, влечет зло и порок, желание уничтожить все доброе и прекрасное.

Поэтому так важно взрослому человеку сохранить в себе чистоту ребенка, детскую простоту, внутреннюю красоту души. Воспоминания о детстве спасают от заразного влияния отчужденности, лжи и жестокости окружающего мира. Молодой художник Качков, герой рассказа «Лихорадка», созданного в 1915 году, в определенный момент своей жизни начинает остро ощущать собственное духовное омертвление, непроходимую враждебность к окружающим людям, приступы сильной тоски и невозможности создавать настоящее произведение искусства. Он размышляет: «← Искусство наше! Один пишет воду, другой облака или лошадей... Я березы пишу, – посмотрел он на свои солнечные березы. – Хорошо, но разве в этом искусство! Надо, чтобы вонзилось в душу... закрутило, как вихрь!» [15, с. 285]. Творческий кризис, невозможность вдохнуть в свои полотна живую творческую силу приводит художника к мысли об утрате единства с Богом – источником таланта: «...что такое искусство? Как откровение!» [Там же]. Качков осознает, что только Господь дарует человеку возможность творить по-настоящему, в Нем кроются духовные силы, питающие художника.

В рассказе «Лихорадка» особое смысловое наполнение обретает мотив возвращения. В дни Великого поста Качков решает говеть и исповедаться, испытывая потребность упроститься, почувствовать себя прежним, то есть ребенком с его неподдельной радостью жизни, чистой и искренней верой. Именно в этом возвращении

к состоянию детской веры в Бога художник ищет для себя спасение и защиту от внутреннего разлада. В сакральную для любого христианина Пасхальную ночь молодой человек чувствует, что в его душе, как в детстве, становится ясно и хорошо, а мир опять наполняется изумительными ароматами – запахами снега, весенней лужицы, ветра и солнца. Взрослый человек становится ребенком и совершенно искренне, по-детски восхищается небом, плывущими по нему облаками, напоминающими белых лебедей, которые медленно скользят по синей воде. В душе молодого человека появляется давно забытое «праздничное ощущение», когда все вокруг – «особенное»: небо словно «закрашено в новую синеву», а «звезды промыты» [Там же, с. 286]. Возвращается и вера в «детского, добренького Бога», пробуждающая чувство сострадания к народу («А миллионы простого народу... Сколько лишений, обид всяких, страданий!») и любви к Господу («Искушение какой-то величайшей неправды величайшим самопожертвованием! Лучшее отдает себя за все, во имя прекрасного!.. <...> Величайшее – отдает себя на позор, на смерть, чтобы убить смерть!») [Там же, с. 284, 287].

В этом произведении Шмелев впервые в своем творчестве приступает к художественной разработке «темы обретения веры» [6, с. 275], которая зазвучит с небывалой мощью уже в послереволюционных произведениях писателя. Качков пока находится на подступах к истинному пониманию христианства и православной веры. Герой «Лихорадки» считает, что христианство является лишь потрясающей идеей, выдуманной людьми, но тем не менее вызывающей восхищение и душевный трепет: «– Две тысячи лет прошло, а идея не умирает, – говорил Качков, стараясь бороться с дрожью, которая сводила губы... – Пусть это миф, я не знаю... Но если и миф, так и тогда, – и тем более, – надо поклониться человечеству, которое это создало! Духу поклониться! Ведь это герои духа и мысли, если сумели такое выдумать» [15, с. 287]. Для молодого человека православие видится ярким, светлым символом, сопряженным с надеждой, которая влечет, утешает, обновляет, дарует желание жить и трудиться.

Когда Качков стоит в храме на Пасхальной службе, он ощущает знакомый с детства можжевеловый церковный запах, который воссоздает в его памяти давно забытое чувство внутреннего воссоединения с окружающими людьми, слияния с ними и духовную близость: «– Единение! Все одним связаны, тем, что живет в тайниках души, что не выскажешь. Объединены одним, чем и ты, и я. Только они не скажут. Я сливаюсь с ними, я чувствую их, и они мне близки! Только великие идеи могут так связывать! Родина, вера, самое дорогое, что ни за какие силы нельзя продать!» [Там же, с. 288]. Выходя из храма, молодой человек вдруг ощущает необыкновенный душевный подъем, светлую, окрыляющую радость, вдохновение: «– Понимаешь, я теперь людей чувствую... целовать их хочу! хочу! Я тоже сейчас чувствую, как этот... не знаю кто... ну, тот поэт, который слагал эти песни... “И друг друга обьемем! И ненавидящим нас простим вся Воскресением!” Мне плакать хочется» [Там же, с. 289].

Герой рассказа «Лихорадка» – «автобиографический персонаж» [6, с. 230]. В нем отражается «феномен личности Шмелева: на уровне сознания – метания, ломки, надрывы; на уровне глубин сердечных – знание о том, где истина, где спасение» [Там же]. Все чувства и мысли героя, которые переданы в рассказе, отражают внутренние переживания и размышления самого автора, его духовно состояние. Не случайно Шмелев избирает метод потока сознания, позволяющего раскрыть метания героя (и себя самого), его «лихорадочные» размышления о детстве и взрослении, христианстве и искусстве. Перед нами – человек ищущий и страдающий, мечтающий обрести истину и правду, находящий верную дорогу и одновременно теряющий ее.

Внутренние метания, раздирающие героя «Лихорадки», внезапно утихают, когда его душа находит укрытие и защиту в воспоминаниях о гармоничной и чистой детской вере в Бога. Духовный покой, обретаемый Качковым, дает возможность почувствовать, что теперь он сможет создать прекрасную картину – настоящее произведение искусства. Перед взором художника возникают образы будущего полотна: «Тишина... Поляна в березовой роще, вечер. На вершинках еще красноватый отблеск. Из потемневшей травы чутко глядят крупные синие колокольчики. Стоит бледная девушка, глядит в небо, слушает тишину...» [15, с. 288]. Внимательный читатель без труда заметит, что здесь снова, как и в рассказе «Пугливая тишина», встречается образ тишины. Это тишина, разлитая в Церкви – Теле Христовом, ведь молодой художник ощутил ее, пребывая в православном храме. Возвратившись в детство, обретя прежнее состояние непосредственной и глубокой веры, Качков духовно воссоединился с Господом Иисусом Христом – «Начальником тишины», как «именует Его Церковь, когда благодарно поет Его Матери: “Ты бо, Богоневестная, начальница тишины – Христа родила еси, Едина Пречистая”» [3, с. 334]. Молодой человек осознает, что обретает «истинное бытие», настоящую духовную жизнь, которая вырастает из «вечного покоя и полноты» [Там же], исходящих от Христа. Так душа художника, окунувшись в детские воспоминания, очистившись от всего наносного и ложного, воссоединилась с Богом и обрела новую жизнь.

Описывая внутренние переживания своего героя, Шмелев высказывает твердое убеждение, что взрослому человеку, особенно занимающемуся творчеством, необходимо сохранять в себе воспоминания детства, которые спасительны для души человеческой, постоянно находящейся в состоянии духовных борений, жизненных испытаний и соблазнов. Чистота детства помогает вернуть чистоту души, искренность помыслов и естественность поступков. Ребенок, живущий во взрослом человеке, напоминает ему о настоящих ценностях, на которых зиждется жизнь, – добре, правде, милосердию и любви. Воспоминания о детстве возвращают возможность искренней веры, глубокой связи с Богом – того, без чего не может быть настоящего искусства. Детство освящает жизнь человека и художника, придает ей смысл, дарует утешение, наполняет надеждой и радостью.

По мысли Шмелева, дети являются неисчерпаемым источником духовной красоты и чистоты, воплощением естественности мыслей и чувств. Детская простота и искренность, гармоничность мировосприятия, способность любить и сострадать воспринимаются как свойства человека, изначально созданного Господом. Взросление осмысливается как путь утраты этих свойств и необходимости их обретения. В рассказах Шмелева изображаются дети, чьи души ощущают особенно близкую связь с Богом, благодатной красотой, тишиной и цельностью созданного Им мира. Тема искусства неразрывно связана с темой детства. Возвращение к детству видится как путь духовного спасения человечества.

Список источников

1. **Августин А.** О музыке. М.: Московская консерватория, 2017. 360 с.
2. **Григорий Нисский, святитель.** Догматические сочинения: в 2-х т. Краснодар: Текст, 2006. Т. 1. 362 с.
3. **Дурьлин С. Н.** Начальник тишины // Дурьлин С. Н. Русь прикровенная. М.: Паломник, 2000.
4. **Кирвель Ч. С., Бородич А. А.** Русская мысль в поисках «сверхнационального» гуманистического начала бытия // Творчество И. С. Шмелева в аксиологическом аспекте. XIII Крымские международные Шмелевские чтения. Симферополь: Алуштинский литературно-мемориальный музей С. Н. Сергеева-Ценского, 2005. 340 с.
5. **Коды русской классики: «детство», «детское» как смысл, ценность и код:** материалы IV международной научно-практической конференции (г. Самара, 24-25 ноября 2011 г.) / отв. ред. Г. Ю. Карпенко. Самара: СНЦ РАН, 2012.
6. **Любомудров А. М.** Богоищущая душа. Духовное и мирское в творческой судьбе И. С. Шмелева // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. М.: Сибирская Благовонница, 2009. С. 227-282.
7. **Любомудров А. М.** Философия и эстетика В. С. Соловьева в художественном мире Ивана Шмелева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8. Литературоведение. Журналистика. 2010. Вып. 9. С. 22-27.
8. **Осьмухина О. Ю.** Детский дискурс современной отечественной прозы // Аркадий Гайдар и круг детского и юношеского чтения: материалы XVI всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Аркадий Гайдар и круг детского и юношеского чтения» (г. Арзамас, 22-24 октября 2014 г.) / отв. ред. Б. С. Кондратьев. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2014. С. 172-178.
9. **Осьмухина О. Ю., Громова А. Ю.** Специфика воплощения «детской» темы в творчестве Г. Щербаковой: традиции Ф. М. Достоевского // Social Science. Общественные науки: всероссийский научный журнал. 2016. № 1: в 2-х ч. Ч. 2. С. 73-82.
10. **Осьмухина О. Ю., Казачкова А. В.** Специфика воплощения «детской» темы в современной отечественной прозе: многообразие рефлексивных практик // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 1. Филология. № 4. С. 47-55.
11. **Романов О. А.** Православные основания русской философской мысли и их современный смысл // И. С. Шмелев и литературно-эмигрантские процессы XX века. Наследие И. С. Шмелева: текст, контекст, интертекст. XIV и XV Крымские международные Шмелевские чтения. Симферополь: Алуштинский литературно-мемориальный музей С. Н. Сергеева-Ценского, 2007. 438 с.
12. **Сотков В. А.** Феномен праведничества в прозе И. С. Шмелева 1920-1930-х гг.: автореф. дисс. ... к. филол. н. Н. Новгород, 2017. 22 с.
13. **Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского:** собрание сочинений: в 6-ти т. М., 1889. Т. 1.
14. **Шмелев И. С.** Рассказы. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1913. Т. 4. 249 с.
15. **Шмелев И. С.** Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Русская книга, 1998. Т. 1. Солнце мертвых. Повести. Рассказы. Эпопея. 640 с.
16. **Шмелев И. С.** Собрание сочинений: в 6-ти т. СПб.: Издание товарищества «Знание», 1910. Т. 1. 266 с.

**SPIRITUAL BEAUTY OF CHILDREN'S IMAGES
IN I. S. SHMELYOV'S STORIES OF 1906-1915**

Shestakova Elena Yur'evna, Ph. D. in Philology
N. V. Gogol Central Library, Severodvinsk
shestakova.lena2013@yandex.ru

The article is devoted to the interpretation of the theme of the spiritual beauty of children's images in the stories "The Sergeant-major", "On a Hasty Business" and "The Shy Silence" created by the outstanding expatriate Russian writer Ivan Sergeyevich Shmelyov in 1906-1915. Special attention is paid to the issues of the writer's comprehension of the nature of childhood, a child's inner world, the reflection of its spiritual integrity and harmony. The problem of growing up is understood as the process of these properties loss and their return necessity. The theme of art, traced in the stories, is inextricably linked with the theme of childhood. The poorly examined subject chosen for the study and the author's conclusions may be of particular interest to the specialists dealing with the problems of the Russian literature of the XX century.

Key words and phrases: I. S. Shmelyov; stories about childhood; children's images; motive; autobiographical character; phenomenon of writer's personality; stream of consciousness technique.